

IN MEMORIAM

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-326-339>
<https://elibrary.ru/EPKVPP>

ПАМЯТИ МИХАИЛА БЕЗРОДНОГО

Его считали и считают одним из самых ярких и блестящих филологов своего поколения, черным ангелом русской филологии (Р. Тименчик), тем, кто, возможно, впервые, после формалистов и московско-тартуской семиотической школы, попытался радикально пересмотреть язык филологического письма. Любимый ученик Зары Григорьевны Минц (и, по совокупности, Юрия Михайловича Лотмана, хотя некоторые это и оспаривают), вынужденно, а может и судьбоносно, в определенный момент закончивший свое обучение в Герценовском институте, добрый, хотя для кого-то и весьма строптивый дух Публичной библиотеки в Петербурге (тогда еще Ленинграде), где в 1980-е годы работал, впоследствии он стал автором культовой книги «Конец цитаты» (1996), которая, вопреки названию, сама сразу же разошлась на цитаты. За ней последовали «Пиши пропало» (2003), «Радуга и осьминог» (2016), «Короб третий» (2019). И последняя, только что вышедшая и глубоко выстрадавшая — «Опыт комментария к “Пиковой даме”», — верстку которой он еще успел увидеть и которую мы все трепетно ожидаем. Яркий, харизматичный, блестящий ниспровергатель основ, еще более блестящий интеллектуальный собеседник, с ним ссорились, но и мирились, и томных дев нередко устремлялись внимательные на него очи, Миша Безродный был человеком неформальным. Именно потому мы и решили опубликовать в журнале «Литературный факт» совершенно неформальный некролог тому, кто своей жизнью и судьбой сам стал фактом литературы. В обход всем требованиям жанра, но дав возможность сказать, пусть и короткое, слово о нем его друзьям и коллегам, знавшим его и в годы молодости, и в его зрелые годы. Участников этого *in memoriam* могло быть значительно больше, и да простят нам те его друзья, кому по тем или иным причинам не удалось сказать на этих страницах *свое* слово. Но оно еще обязательно будет сказано, мы уверены.

А пока что пусть это будет скромной лептой в *пропуск бессмертия твой*...

От редакции
Екатерина Дмитриева

Михаил, Миша Безродный всегда был и остается для меня воплощением духа свободы и сияющей чистой любви к филологии, которой были пронизаны студенческие конференции 1970-х годов в Тартуском университете. В начале апреля в старинном университетском городе лучи солнца пробивали первые дыры в старом ледяном насте, а участники конференций с утра до вечера сначала в аудиториях, потом на улице, в кафе, в студенческом общежитии, иногда до следующего утра спорили, утверждали, опровергали, и снова говорили, говорили, говорили о литературе, литературе, литературе...

На всех заседаниях с нами все время были Юрий Михайлович Лотман и Зара Григорьевна Минц. Доклады перебивались вопросами, дискуссии были бескомпромиссными и страстными. Помню возражение Юрия Михайловича на какую-то филиппику студиязуса, с пафосом Савонаролы защищавшего теорию романа М.М. Бахтина от филологов-обскурантов: «Когда-то *они* Бахтина распинали, а теперь Вы хотите именем Бахтина распинать, чем же Вы тогда от *них* отличаетесь...», В прениях по литературе начала XX века мы постоянно слышали спокойный и ласковый голос Зары Григорьевны, в те годы не только по-новому изучавшей Серебряный век, но и пестовавшей учеников — набиравших силы знатоков забытой и полузапрещенной эпохи.

Среди них одним из самых талантливых был Миша Безродный, ставший одним из первооткрывателей тогда также полузабытого и полузапрещенного (эмигрант!) литератора — Алексея Ремизова. Появившиеся еще со студенческих времен статьи Миши об этом писателе до настоящего времени занимают почетное место в ряду ученых штудий о Ремизове. Другим предметом ранних серьезных филологических исследований Миши стал Александр Блок. Проведенный им тончайший анализ драмы «Незнакомка» не может не учитываться при любых научных обращениях к этой пьесе. Потом, кроме литературоведческого, ярко проявились и другие таланты Михаила Безродного — блестящего преподавателя, оригинального писателя. В обращении к его имени нет и не может быть прошедшего времени.

Как сказал один из значимых для Михаила писателей — Алексей Ремизов о другом знаковом для него человеке — Александре Блоке: «Я живо чувствую его живым... и его улыбку. Круг

с каждым годом теснее. И память о тех, с кем прошла жизнь, и кто уже больше не скажет, крепка».

Алла Грачева

Когда думаешь о Мише Безродном, первым делом приходит в голову слово «виртуозность».

Виртуозность в переименовании хрестоматийных строк: «Отрави потихоньку коллегу»; «Перевраз и лживопись»; «О этот Юнг! О этот Ницше! О, как их блеск меня тревожит!» — начав цитировать, почти невозможно остановиться.

Виртуозность в исполнении поставленной самому себе задаче. «Опыт комментария к “Пиковой даме”», который только что вышел в свет (и которого, увы, не увидит автор, успевший взглянуть только на PDF-файл своей книги) скромно аттестован в авторской аннотации как ориентированный на потребности «студентов, изучающим русский язык как иностранный», на самом же деле содержит такие детали петербургского повседневности быта и отрывки из таких забытых произведений русской словесности до 1834 года, которые способны изумить даже знатоков.

Виртуозность в сопоставлении иногда близких, а иногда очень далеких литературных произведений. Безродный изобрел и несколько раз применял на практике метод экспонирования таких сопоставлений, названный рискованным сокращением «ср.». Две колонки без пояснения: слева цитата из одного, более раннего автора, справа — из другого, более позднего.

Теоретическую базу он подвел еще в блистательной книге «Конец цитаты» (1996):

Литературоведам, занятым отловом цитат, можно было бы уже давно упростить демонстрацию своих трофеев, а именно: слева на странице располагать тексты цитирующие, справа — цитируемые (или наоборот), все же остальное — собственные рассуждения, призванные доказать правомерность сопоставления именно этих текстов, — опускать. Тем самым ученый лишился бы возможности убеждать читателя в своей правоте, зато обоснованные параллели только выигрывали бы от наглядности и отсутствия рекламы («честная игра»).

Мишина игра всегда была честной и, выражаясь словом из карточного словаря пушкинской эпохи, сильной.

Вера Мильчина

Мы с Мишей познакомились в Тарту весной 1977 г., а дружили в 1980-е годы, когда он вернулся из армии и жил в Ленинграде. В 1989 г. я переехал в Москву, а он немного позже в Германию, и наши пути с тех пор пересекались только случайно.

Кажется, первую литературную славу Мише принесла заметка на последней странице «Литературной газеты». Было это году в 1988, в начале «Перестройки» и «Гласности». Миша написал в этой заметке краткие пародийные биографии русских писателей XIX века, стилизованные в духе советских биографий «застойных» времен. Судя по этому тексту никого из писателей не ссылали, не убивали на дуэли, не сажали в Петропавловскую крепость, а просто кто-то из них скончался после продолжительной болезни или в результате несчастного случая, кто-то провел несколько лет в творческой командировке в Казахстане и т.д. В день выхода газеты Миша мгновенно стал знаменитым. Кажется, его это несколько обескуражило: все-таки он написал к тому времени множество прекрасных научных статей, но не они принесли ему славу, а пародия, опубликованная в «Литературной газете». Потом был «Конец цитаты» и настоящая литературная слава...

Частенько мы собирались у Миши хорошей компанией. Мама его варила для нас большую кастрюлю картошки и мы пили водку, закусывая ее картошкой и еще чем-нибудь. Как-то мы вчетвером с Мишей, Катей Дмитриевой и Сашей Данилевским просидели всю ночь у Миши в гостях, а рано утром пошли гулять по Обводному каналу к Александро-Невской лавре и бегали наперегонки по набережной. Так странно все это вспоминать! Как кадры из какого-то старого черно-белого фильма...

Андрей Топорков

Впервые увидела Михаила Безродного во второй половине 1990-х годов, он читал спецкурс в Тартуском университете. Литературная жизнь начала XX века оживала в его исполнении,

каждая деталь была многогранной, казалось, что он был лично знаком с теми, о ком рассказывал. Излагал просто и артистично.

Услышала о Михаиле еще раньше. Нам, младшекурсникам, о нем рассказывали старшие студенты. Блестящий, эрудированный, остроумный, сильный, ловкий. Был отчислен из университета за какую-то дерзкую выходку...

В 2017 году Михаил и Рената были стипендиатами Лотмановской стипендии Таллиннского университета. Михаил написал, что у них в семье такое правило — быть все время вместе, и в дальних странствиях тоже. Приехали с двумя младшими сыновьями, старший уже работал. Захожу за ними, чтобы вместе идти на их лекции. Посреди комнаты стул, на нем стоит на голове Михаил. Переворачивается на ноги и решительно — младшему сыну: «Теперь ты!» Мальчик послушно — на стул, на голову. Рената успокаивает: «Миша приучает детей ничего не бояться».

И сам он не боялся нового ни в науке, ни в творчестве.

Татьяна Кузовкина

О Безродном-компаративисте

В начале девяностых он жил в Ганновере; учил немецкий, привыкал к незнакомой жизни и обдумывал свое будущее. Мы часто перезванивались, порой встречались. А спустя несколько лет, когда он находился (уже вместе с Ренатой) в Мюнхене, мы виделись почти ежедневно, и мне почему-то казалось, что Миша непременно займется сравнительным литературоведением: соединит опыт пребывания в новом для него языковом пространстве со своей любовью к русской литературе и великолепным филологическим слухом, воспитанным в тартуско-московской и ленинградской научной среде.

Так оно поначалу и было. Миша увлекся изучением русского германофильства Серебряного века и создал несколько превосходных историко-литературных работ: «Из истории русского неокантианства (журнал “Логос” и его редакторы)»; «Издательство “Мусагет”»: групповой портрет на фоне модернизма»; «Из истории русского германофильства: издательство “Мусагет”». К этому можно добавить публикации по истории русского антропософского движения (совместно с Ренатой фон Майдель), остроумный этюд о восприятии Ницше в СССР послевоенной

эпохи; и еще другие. Некоторые из них переведены на немецкий язык.

Я надеялся, что он продолжит эти исследования, и мы получим со временем эпохальный монографический труд, посвященный главному в России символистскому издательству 1910-х годов в широком контексте русско-немецких сближений. Но этого не случилось. Миша не стал «компаративистом». Он все более отдалялся от традиционного литературоведения, создавая свою собственную филологию, основанную на рафинированном литературном чутье и тончайшей словесной игре. Он добился на этом пути замечательных результатов, и созданный им способ толкования и комментирования отныне и навсегда будет связан с его именем...

И все же мне жаль...

Константин Азадовский

В «Коробе третьем» есть апофегма, в которой нарочито смещен приоритет: сюжет в литературе — ничто, главное — что слова вытворяют друг с другом. В давнем разговоре с американскими студентами к этому он прибавил: «...и чем слова тешатся сами с собой».

Среди многого прочего Миша был испытатель словесных существ. Подопытные ему организмы перебежали границы обозначаемых ими субстанций, порой залезая в чужой язык; расслаивались на буквенные и звуковые сочетания, которые с охотой вступали в новые комбинации; злорадно играли переносом ударений (*почему да отчего / ничего нет отчего?*)

И тут же — не по контрасту, а по соседству принадлежавших ему угодий — фокус наведен на круговорот мотивов, персонажных линий и цитат в литературной природе. В бесконечное разноязыкое верчение вовлечены история первородного греха и летающие двуглавые птицы, елки и свадьбы, конюхи по имени Ипполит и сонно-снежные звукосочетания в поэзии. Эта коллекция не распределена по рубрикам, но вольно рассыпана по Мишиным книгам и статьям, ожидая передумывания.

Не пиши пропало.
Александр Осоват

И не кончается цитата...

...книга Безродного расчетливо и залихватски играет своей приграничной близостью к этой зоне безответственного словоговорения, каждый раз в последний момент резким выражением унося свои ролики от ямы дурновкусия. Согласно закону оглядки литературного сочинения на смежные ряды, внесенному в учебники школой русского формализма, книга Безродного помнит и напоминает о близлежащем, иногда с азартом игрока хватая и близлежащее (так, сам титул «Конец цитаты» многообещающим ручейком полился в текущую библиографию). Кажется, что автор порой нарочно не брезгует отработанным каламбуром или самоочевидным сближением, чтобы напомнить, что смысл всякого «causerie» зиждется на идентификации качества «козера», одна и та же фраза наполнена различным смыслом, в зависимости от того, кому она принадлежит. В данном случае самым существенным становится то обстоятельство, что суждения о литературе сообщает ученый-филолог. То есть: не передатчик и разносчик летошних парадоксов, а человек, зарабатывающий свой хлеб ежедневным уроком критики текста. Этим и интересен. Итак, что мы узнаем о буднях современной русской филологии от одного из ее наиболее даровитых представителей?

Прописная литера в инициала надолго прописалась в двух вещах — Книге и Городе, а сами эти вещи своей заглавностью обособились в обставшем мире, сблизилась и тянутся все больше походить друг на друга. В романах манят незнакомые проулки, в стихах — кварталы, будто перенесенные из другого города, в фабуле — тупики и фальшивые окна, брандмауэры статичных описаний (то, то самое, что мы пропускаем а детстве) и пожарные лестницы беззаконных сюжетных уловок. А в городе ищешь вспышки внезапной перспективы слева на перекрестке, затаившейся как enjambement, межстиховой перенос, или переброс, как предпочитает называть это цитируемый по другому поводу в книге Безродного Георгий Шенгели.

Петербургские проходные дворы, с тайнами почище, чем у мадридского, с недовыветрившимся запахом народовольческих и эсеровских легенд, снабженные эпиграфами о том, чего в них не имеется и о чем входящий обязуется оставить надежду, становятся прообразом текстуального анализа. Не замедляя шага, не

изменяя походки, с выражением деловой озабоченности, зорко оценив невзрачные подробности, пройти роман и оказаться на параллельной улице, в другом романе. Говоря строго, это не анализ, который и впрямь не к лицу фланеру, а испытующий взгляд, подскок удивленных бровей, моментальный профессиональный прищур. Но в литературе часовые стрелки начинают двигаться, только когда на них смотришь, как это происходило, по клятвенному уверению Безродного, на тартуской ратуше. Самолюбивый пешеход правила прохода соблюдает...

Роман Тименчик

Мы встретились сравнительно поздно, уже в этом веке, когда Миша был в Штатах, заехал в Лос-Анджелес и выступил с лекциями в UCLA и у нас в USC. Я, конечно, уже знал его «Конец цитаты», местами наизусть, например: «Эту смертную муку — мировую тоску — обменять бы на мирную скуку. А коня на скаку повесить на первом суку. Как последнюю суку». Мы стали переписываться по имейлу, и оказалось что иной новый друг стоит старых двух. (А шаги звучат — мои друзья уходят...)

Вживе мы опять увиделись в сентябре 2007-го, на конференции по авангарду в Белграде, устроенной Корнелией Ичин. А с тех пор переписывались и презумливались и последние десяток лет более или менее регулярно, раз в пару месяцев, общались по Скайпу — часами. Миша рассказывал о своей былой и теперешней жизни, об учебе в Тарту, службе в армии, о тяжбах с немецкой университетской администрацией, о борьбе с настигшей его болезнью и своих решениях, как лечиться и как пренебрегать медициной, чтобы чувствовать себя живым и только, до конца. И, конечно, о последних находках по поводу «Пиковой дамы», в которые он вкладывал всю страсть эрудита-филолога и редкий талант онлайн-следопыта. К счастью, книгу комментариев он успел закончить (и собирался заняться «Подпоручиком Кижее»).

Он был из тех немногих собеседников, которых хотелось слушать не перебивая, — рассказывай еще, тебя нам вечно мало. Я уговаривал его писать мемуары; жаль, что до этого не дошло.

В моей жизни он играл еще одну драгоценную роль. Он был проницательным и нелицеприятным первым читателем-крити-

*Михаил Безродный и Александр Жолковский. Нови-Сад, сентябрь 2007 г.
Фото Л.Г. Пановой
Mikhail Bezrodny and Alexander Zholkovsky. Novi-Sad, September 2007.
Photo by L.G. Panova*

ком моих текстов. Благодарностями ему пестрят их публикации, а во многих он анонимно фигурирует в качестве «моего любимого читателя». Я писал с постоянной оглядкой на него, в каком-то смысле — для него.

Еще мы иногда обменивались стишатами в «Стенгазете». Например, я — ему, в ответ на очередной критический отклик: «От других мне халва — что зола, От тебя и хула — пахлава» («Двустиише»; 05.06.2008); он — мне: «Быть может, за стеной Кавказа,

Вдали Италии своей, Устроиться на автобазу И думать о красе ногтей?» («Инфинитивное. AZ по случаю д. р.»; 08.09.2008).

...Утрата огромная для нас всех, а для меня, наверно, самая тяжелая за многие годы — после кончин Сергея Старостина (2005) и Юрия Щеглова (2009).

Но помнится и то везение, та радость, то счастье, которыми были эти дружбы. *О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили, Не говори с тоской: их нет; Но с благодарностию: были.*

...Вот написал, с интертекстами, кои он так любил... Показать бы ему, да видно нельзя никак, — к Прозерпине и к Персефоне Скайп еще не проведен.

Светлая память.

Александр Жолковский

Последние недели я все время вспоминаю наши не очень частые встречи и разговоры с Мишей (в Москве, Тарту, Мюнхене), каждая из которых оставила яркие воспоминания. Осенью 1995 он проводил урок (по «Незнакомке» Блока) и семинар у меня в лицее «Воробьевы горы», оба занятия были полны тех тонких и точных самого разного уровня филологических замечаний, которые знакомы читателям его книг и статей. Шутки, цитаты, сравнения, соположения и сближения, каламбуры и наблюдения над рифмами, размерами, рассыпанные по книгам от «Конца цитаты» до «Короба третьего», не только удивительно точны и остроумны, но внутри книг, которые как будто составлены из множества разного объема осколочных фрагментов, создают очень важное представление о цельности смыслового пространства европейской культуры, литературы и языка. Предметом наших разговоров в разные годы становились комментированные издания (они же нужны гораздо больше, чем научные монографии, говорил он в 1999). Наверное, очень многие, читая Мишины книги, не могут не почувствовать, что едва ли не на каждой странице мы сталкиваемся кроме всего прочего и с тщательно продуманными «материалами к комментарию» к самым разнообразным текстам.

Мне довелось с женой и дочкой заехать к Ренате и Мише в Гейдельберг меньше чем за три недели до его кончины. — Миша разговаривал с нами, сидя в кресле на пороге своей комнаты. Начал с грустной шутки — «умирающий Тургенев». Но затем

подробно и увлеченно говорил о законченном летом комментарии к «Пиковой даме» и начатом комментарии к «Подпоручику Киже», добавив в конце «мы с Вами ошиблись в выборе века, Немзер всегда говорил, что заниматься надо девятнадцатым». Если и возвращался в разговоре к болезни, то только объясняя, как она мешает ему сейчас. Расспрашивал подробно о детях и внуках, шутил. От этих получаса – сорока минут осталось ощущение полного торжества духа и острого ума над страшной болезнью.

Константин Поливанов

≡ ≡ ≡

«Кто за честь природы фехтовальщик»? — Это Михаил Безродный. Бескомпромиссный. Представляется мне, что он из прошлого, из литературы — дуэлянт. Не всем его рассказам о себе я доверял. Но видя его артистичность телесную и нематериальную (не могу забыть страдальческий вид его сына, которого Миша буквально дрессировал. — Ну да, он воспитатель идеалов — у детей и своих студентов. Он надеялся из них вылепить своих учеников), я готов был поверить всему. Но не верю его реплике, что после Баха музыки не было (повторил комического сухаря-органиста из советского кино 1941 года?).

Намеренно не пишу о нем как писателе и ученом, о его общественном темпераменте в годы перестройки.

Светлая память вечному нашему Возмутителю спокойствия.

Габриэль Суперфин

≡ ≡ ≡

Я познакомился с Мишей Безродным в начале 1980-х годов, когда он начал работать в Публичной библиотеке. Тогда я заходил в Публичку два-три раза в неделю, не меньше и почти всякий раз получал большое удовольствие от общения с ним. Его разговор, именины филологического сердца, был невероятно занимателен, ибо «обо всем он судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально». В хорошую погоду мы выходили в сад и продолжали говорить о том, что нас в ту пору интересовало — о наших

статьях, докладах и замыслах, о Блоке и Андрее Белом, о Пушкине и Набокове. Какие-то осколки Мишиных идей, наблюдений, остроумия я потом с радостью обнаруживал в трех его замечательных книгах неопределимого жанра и радовался им, и тому, что с годами его огромный талант не угасает, а все больше и больше оттачивается.

В 1991 году мы оба уезжали за границу — я в США на работу, а Миша в Германию начинать новую жизнь. Я заходил к нему на Гончарную прощаться, и мы договаривались начать переписку, но, увы, потом писали друг другу редко и за все время встречались в Германии всего лишь три-четыре раза. Все Мишины книги, много раз прочитанные, стоят у меня на полке — все, кроме одной. Только узнав о Мишиной преждевременной смерти, я решил прочитать его «Радугу и осьминога», единственную книгу, которую он мне не присылал. Это «пособие по развитию навыков чтения и анализа текста для студентов-филологов, изучающий русский как иностранный» оказалось поразительной, фантастически интересной книгой. В ней Миша по-своему пересказал 14 сюжетов всемирно известных сказок и новелл, снабдив их новыми названиями (среди которых есть, например, «Замок», «Solus rex», «Волшебная флейта») и чрезвычайно остроумными упражнениями — с одной стороны, безукоризненно полезными с точки зрения методики, а с другой — образующими важную смысловую основу всего текста как изошренной и серьезной литературной игры. Книга начинается с шуточного пересказа известной новеллы Иоганна Питера Гебеля «Каннитферштан» (на русский язык ее стихами перевел Жуковский), которой Миша дал название «Memento mori», а заканчивается несколькими вопросами к пересказу восточной сказки «Рубашка счастливого человека», получившей здесь название «Кормилец». Среди них обращает на себя внимание один: «Какое важное слово отсутствует в тексте?». Как следует из эпиграфа («Только смотреть на нее и холодеть. Лев Толстой») и самого начала текста — это слово «смерть», с которого начиналась книга. Как Цинциннат Ц. в конце «Приглашения на казнь», автор «вычеркивает» смерть, потому что не боится ее. В Мишином пересказе умереть должен отвратительный диктатор, а жить остается «счастливейший человек» — бедный дровосек, любящий отец и муж, который «за день так наработается, что на себя не похож, а все равно шутки шутит да песни поет». Таким счастливым человеком, не

боявшимся неминуемой смерти, был сам Миша. Как рассказывают близкие к нему люди, он работал и шутил почти до самого последнего дня, как бы говоря смерти фразу из конца своей первой книги: «Нет, весь я не умру, не на того напали!»

Александр Долинин

Миша был счастливым человеком. Все, что с ним происходило, несло на себе отпечаток этого свойства его цельной и глубокой личности. Он был счастлив в своих учителях и учениках, в своих трудах и днях, в своем замечательном семействе — главной гордости и отраде последних десятилетий его жизни. Никто при встрече с Мишей не мог остаться равнодушным: далекие и близкие влюблялись в него с первого взгляда. Один из самых ярких представителей своего блистательного филологического поколения, он неизменно вызывал в окружающих сильные эмоции. И как точно заметила наша коллега, сама его безвременная кончина — суть зависть богов античной трагедии. Но над этой последней фразой как дань античной же комедии все еще царствует Мишина саркастическая усмешка, разрушающая излишний пафос некрологического жанра. Ответ его утонченного остроумия.

Близость утраты не позволяет говорить о Мише в полный голос. Время еще не пришло. Тем уместнее сказать прямо сейчас несколько слов о Безродном-филологе. Любимый ученик Зары Григорьевны Минц (которая однажды сама сказала мне об этом), под ее влиянием Миша начал свою филологическую карьеру с Ремизова и Блока. Опубликованных им ремизоведческих и блоковедческих статей не так много, однако каждая, без преувеличения, виртуозно написана и до сих пор востребована специалистами. Вместе с тем выбор именно этих писателей был далеко не случаен и соответствовал характеру его собственного таланта. У них Миша учился вниманию к слову, к интонации, к архитектонике текста. И применял выработанные аналитические навыки отнюдь не только в собственном творчестве, но, например, когда стал редактором издательского отдела Публичной библиотеки. Именно там сложилось его представление о книге как артефакте, где форма должна соответствовать содержанию.

Когда же пришло время публиковать собственные творения, Мише вновь повезло встретить профессионалов высокой пробы, которые в полной мере разделяли его взгляд на предмет и вместе с автором работали над каждой из пяти его книг как над производением издательского искусства.

В последние дни практически всюду в откликах на Мишину смерть упоминался беспрецедентный успех его «Конца цитаты». И это не случайно. Многие из писателей-модернистов, которые были объектом Мишиных ученых штудий, имели филологическое образование. Но этот опыт не был предметом их авторефлексии, по крайней мере, в художественном поле. Для кого-то лихие — 1990-е стали эпохой, когда потребовался новый язык, и филология неожиданно для себя самой на краткий миг вышла на авансцену истории. Так герой-филолог стал героем нашего времени. Потом пришли другие времена и другие герои: политехнологи, имиджмейкеры, копирайтеры... И следующие Мишины книги показались многим «слабее» первой. Конечно, это его огорчало. Тем более что не соответствовало внутренней логике тщательно выстраиваемого литературного пути. Поэтому выбор именно «Пиковой дамы» для заочного диалога с давно уже ставшими классикой комментариями любимого учителя и одного из любимых писателей к «Евгению Онегину» закономерен. Ведь Миша не без оснований полагал, что после неуспеха «Повестей Белкина» Пушкин хотел продемонстрировать этой повестью диапазон своих возможностей в прозе. Так автобиографическое вновь соединилось в его собственном «Опыте комментария...» с профессиональным.

Миша ушел, оставив нам книгу. И этот прощальный жест, сродни финалу симфонии Гайдна, когда музыканты оркестра поочередно гасят свою свечу и покидают сцену, в точности соответствует высокому строю его личности — духу музыки в символистском понимании, духу, который дышит, где хочет. Сейчас он устремляется ввысь, возвращаясь в родную стихию.

Инга Данилова